

подчинения и кооперативная промышленность. Такая трактовка дала возможность авторам расширить поле своего исследования. Это позволило получить новые данные о кадровом составе местной промышленности; более точно выявить влияние войны на структуру и производственный потенциал местной и кооперативной промышленности; роль местной промышленности в снабжении населения товарами первой необходимости; ввести в научный оборот данные о деятельности этого сектора экономики Байкальского региона; показать, как в военные годы в условиях разрыва хозяйственных связей с центральными районами страны, перестройки крупных предприятий на выпуск военной продукции именно предприятия местного подчинения дали тот минимум необходимых товаров и продуктов, которые позволили населению региона выдержать все трудности военных лет, выполнить те задачи, от которых напрямую зависела обеспеченность и боеспособность Красной Армии.

Оценивая работу авторского коллектива можно сказать, что богатый материал, собранный и осмысленный в монографии, позволяет в более точной мере реконструировать исторические события и в более полной форме воссоздать картину жизнедеятельности советского общества предвоенного и военного периода.

Следует также отметить ценность исследования и востребованность его при определенных обстоятельствах будущим временем. Можно предположить с определенной долей вероятности, что современная российская государственность в случае возникновения каких-либо конфликтных ситуаций будет вынуждена закрыть свои границы. В этих условиях отсутствие устойчивых хозяйственных связей с центром страны заставит регионы, в первую очередь наиболее отдаленные, перейти на самообеспечение нужд населения. Местное руководство уже новейшего времени по необходимости столкнется с проблемами и решением задач, которые стояли и успешно решались их предшественниками в военные годы. Иными словами, монография, ее выводы, будут иметь и сугубо практическое значение для властных структур Байкальского региона.

Подводя итог достоинств работы с полной уверенностью можно сказать, что вклад в изучении темы более чем очевиден, но в то же время есть основания считать, и это отмечают сам авторы, — прошлое нашего региона во всем его многообразии еще далеко не прозрачно.

А.А. ИВАНОВ

ИСТОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ БУРЯТИИ*

В 2009 г. в издательстве Восточно-Сибирской академии культуры и искусств вышла коллективная монография «Уголовно-исполнительная

* Рец. на: Гусарова Т.О., Курас Л.В., Суш С.П. Уголовно-исполнительная система Республики Бурятия (1923–1991 гг.). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2009.

система Республики Бурятия (1923–1991 гг.)). Ее авторы — наши уландэнские коллеги — канд. ист. наук, подполковник внутренней службы, заместитель начальника УФСИН России по Республике Бурятия Т.О. Гусарова, д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН Л.В. Курас, и канд. ист. наук, полковник внутренней службы, начальник УФСИН России по Республике Бурятия С.П. Суш. Ответственным редактором сборника — и это следует подчеркнуть особо — выступил генерал-полковник Ю.И. Калинин, директор Федеральной службы исполнения наказаний РФ в 2004–2009 гг. Данная монография — убедительный пример эффективности сотрудничества представителей академической науки и практиков уголовного дела. Она продолжает изданное в 2006 г. научно-популярное исследование «История пенитенциарной системы в Бурятии», уже отмеченное достаточно высоко в специальной литературе (Петрушин Ю.А. *История пенитенциарной системы в Бурятии: от наказания к покаянию // Сибирская ссылка: сб. науч. статей. Иркутск: «Оттиск», 2007. Вып. 4 (16). С. 510–514.*

История отечественной пенитенциарной системы имеет свою богатую историографию. Тюрьма, каторга и ссылка уголовных преступников активно изучалась в дореволюционный период: тогда проводились международные конгрессы тюрьмоведов, известны, и до сих пор не утратили своей научной ценности, десятки, а то и сотни монографий и статей в специальных журналах. В советское время исследование теории и практики исполнения наказания было затруднено, стало уделом лишь узкого круга специалистов-правоведов. Сегодня тема изоляции и наказания преступника получила иное звучание. С одной стороны, прилавки книжных магазинов, интернет-порталы буквально завалены литературным ширпотребом, прославляющим «романтику» криминального мира, тюремный быт и фольклор, с другой — научное изучение темы по-прежнему сдерживается отсутствием в свободном доступе необходимого архивного материала и статистических данных. Тем большую ценность представляет работа уландэнских коллег.

Хотелось бы подчеркнуть и своевременность этой книги. В начале нашего века был начат интенсивный процесс реформирования российской системы исполнения наказаний, есть первые положительные результаты и наработки. Значительный импульс этому движению придал Указ президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. за № 1314, которым определены цель, задачи и характер деятельности системы, осуществляющей «функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, функции по содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых, находящихся под стражей, их охране и конвоированию, а также функции по контролю за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания». В этой связи новое издание, по-

мимо научного, имеет и прикладной характер, позволяет оценить значение ГУИН как крупного промышленного и сельскохозяйственного объединения, выполняющего значительный объем производственных задач.

Книгу улан-удэнских исследователей открывает основательный историографический обзор, свидетельствующий о высоком профессиональном уровне авторского коллектива. Анализ научной литературы позволяет авторам сделать весьма важный вывод о том, что для тюремной системы характерным является эволюционный путь развития, а «содержание пенитенциарного процесса меняется по мере утверждения новой политики, идеологии, производственно-экономических отношений» (С. 13). Пенитенциарная система не может существовать независимо. Она — составная и неотъемлемая часть государственной структуры, политики и идеологии.

Настоящее издание отличает и разнообразная источниковая база. Помимо законодательных актов, определявших в тот или иной период исправительно-трудовую политику государства, авторы впервые вводят в научный оборот значительный массив ранее закрытых источников — ведомственную документацию ГТУ и ГУИН, материалы личных дел сотрудников, переписку, приказы, докладные записки и обзоры из архива МВД Республики Бурятия. Все это дает возможность выявить общие и специфические черты в функционировании трудовых учреждений республики, определить их место в системе исполнения наказаний страны.

Надо отметить, что содержание новой книги значительно шире заявленной в ее названии тематики. Анализ проблем региональной системы предваряет первая глава, посвященная подробному исследованию развития правовой базы исполнения уголовного наказания советской России в целом.

Уголовное законодательство республики прошло сложный, и нередко противоречивый, путь развития. Первоначально главной задачей заключения уголовного преступника была даже не изоляция его от общества, а перевоспитание с целью обращения в сознательного строителя «светлого будущего». Вот почему в начале 1920-х гг. в местах заключения упор делался на проведение различных общественно-политических мероприятий — митингов, политбесед, пропаганду декретов новой власти. Подобная работа, безусловно, носила несколько идеалистический, и даже наивный, характер. Вместе с тем, были в ней и свои плюсы. Например, обязательным элементом перевоспитания стала ликвидация неграмотности. Умение читать и писать прививалось всем осужденным, при этом особо выделялась категория молодых заключенных.

С середины 1920-х гг. политико-воспитательная работа в местах заключения начинает приобретать ярко выраженный классовый характер. Ее главной целью становится формирование «культурных запросов и интересов» прежде всего осужденных из числа рабочих и крестьян. Вы-

деляя конкретные формы этой деятельности — клубную, просветительскую и театральную — рекомендовалось осуществлять этот цикл прежде всего на основе самодеятельности заключенных.

В довоенное десятилетие на первое место в деле перевоспитания преступников был поставлен «высокопроизводительный общественно полезный труд». При этом органы ОГПУ (затем НКВД), в ведении которых находились исправительно-трудовые лагеря, наделялись особыми полномочиями, позволявшими им по своему усмотрению значительно ужесточать тюремные условия. Именно в этот период складывается режим содержания, предусматривавший деление заключенных на три категории: осужденных впервые на сроки не свыше пяти лет, осужденных на значительно большие сроки. Нетрудовые элементы, а также отбывавшие наказание за контрреволюционную деятельность, составляли третью категорию.

В послевоенный период на смену лагерей пришли исправительно-трудовые колонии. В ИТК вводились четыре вида режима: общий, усиленный, строгий и особый. В 1963 г. было принято решение об организации нового вида колоний — колоний-поселений. Они предназначались для заключенных, отбывших основную часть срока и зарекомендовавших себя с положительной стороны. При этом осужденный находился за пределами зоны, работал вместе с вольнонаемными специалистами, мог проживать вместе с семьей, имел право на приобретение собственного жилья.

Анализ развития пенитенциарной системы страны 1950–1970-х гг. вполне позволяет нам провести четкую аналогию с опытом тюремной политики и практики российского государства досоветского периода. Устав о ссыльных, разработанный М.М. Сперанским еще в 1822 г., претерпев существенные изменения и дополнения, к концу XIX–началу XX вв. также предусматривал, деление каторжных на разряды. Согласно уставу, все ссыльные по прибытии на каторгу, причислялись к отряду испытываемых. Закон четко регламентировал этот период: для осужденных первого разряда бессрочных он длился 8 лет, для срочных — 5. Каторжным второго разряда, имеющим от 12 до 15 лет — 2 года и т.д. Самый непродолжительный срок испытательного периода был у каторжных третьего разряда — от полутора до одного года.

Статья 96-я Устава определяла условия перевода каторжан в отряд исправляющихся. Во время периода испытания они должны были «подать надежду на исправление доказательствами покорности начальству, воздержанности, опрятности и трудолюбия». Через установленное время пребывания в отряде исправляющихся каторжане получали «дозволение» жить вне острога, им возвращались деньги и ценные вещи, они могли вступать в брак. При этом 10 месяцев для незамеченных ни в чем «порочном» каторжанам засчитывался за год действительных работ. С окончанием сроков каторжных работ осужденные переходили в разряд поселенцев (*Устав о ссыльных (по изданию 1909 г.) с разъяснениями*

Правительствующего Сената с алфавитным и предметным указателем и с приложением из правил о предоставлении льгот ссыльным... / сост. Л.И. Марколь. Изд-е 2-е, переработ. и исправ. Иркутск: Изд-е кн. Магазина П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1911. С. 36).

Как видим, отношение к каторжному в царской России было лишено излишней жестокости, направлялось на поощрение исправляющихся. Уголовно-исполнительная система советского периода широко использовала опыт отечественного тюремоведения. Вместе с тем режим содержания заключенных в 1930–1970-е гг. был более жестким, а интенсивный производительный труд стал не только основным средством «перевоспитания», но и главным условием содержания уголовного преступника.

Вторая часть книги посвящена становлению и развитию уголовно-исполнительной системы Бурятии с 1923 по 1991 г. Значительное место в своем исследовании авторский коллектив уделяет вопросам кадрового обеспечения зарождавшейся тюремной службы в регионе. Немногочисленные документальные источники 1920-х гг., сохранившиеся в фондах Национального архива РБ, а также в фондах ведомственных архивов и музеев, свидетельствуют о существенных организационных и материальных трудностях этого периода: мизерной и несвоевременной оплате труда сотрудников мест лишения свободы, отсутствии служебного жилья и государственного пайка, низкой квалификации и исполнительской дисциплины. Все это преодолевалось с большим трудом, требовало от организаторов значительного напряжения сил и самоотдачи.

На работе исполнительно-трудовых учреждений Бурятии 1930-х гг. негативно сказывалась и сложная социально-политическая обстановка в стране, хорошо организованные всеокрушающие поиски «врагов народа», «агентов и диверсантов». В этот период, как справедливо отмечено в монографии, «Бурят-Монгольский обком ВКП(б) был лишен права контроля за работой мест заключения..., прокурорский надзор осуществлялся неудовлетворительно, наблюдательные комиссии прекратили свою работу». Следствием этих процессов было падение у заключенных дисциплины, снижение показателей и результатов труда, ухудшение морального состояния.

В послевоенный период уголовно-исполнительная система республики, как и страны в целом, претерпела существенные позитивные изменения: восстанавливался общественный и прокурорский контроль, повсеместно вводилась оплата труда заключенных, возобновлялась политико-воспитательная работа. Масштабные сокращения численности осужденных 1954 и 1957 гг. привели к существенному улучшению условий их содержания, быта, медицинского и культурного обслуживания.

В 1960–1980-е гг. ИТУ Бурятии продолжали наращивать производственно-техническую базу как основу наиболее эффективного использования трудового потенциала спецконтингента. На строительство и реконструкцию предприятий системы выделялись значительные средства,

что позволило провести их укрупнение, превратив из мелких мастерских в специализированные заводы и фабрики. В эти годы продолжался и процесс гуманизации условий отбывания наказания.

1990-е гг. стали временем, пожалуй, самых суровых испытаний системы ИТУ Республики Бурятия. Развал социальных, политических структур и связей, распад страны и утрата единого экономического пространства, поставили пенитенциарные учреждения региона под угрозу исчезновения как самостоятельных субъектов хозяйствования и организации производства. Сегодня этот период пройден, учреждения исполнения наказаний республики уверенно смотрят в будущее, продолжают выполнять свои непростые и нужные обществу функции.

Есть в новой книге и несколько дискуссионных положений. Так, например, инструкцию «Всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры» от 8 мая 1933 г. за подписью И.В. Сталина и В.М. Молотова о необходимости отказаться от массовых репрессий «в результате наших успехов в деревне», авторы трактуют, как «попытку остановить тотальный террор» (С. 41–42). Думается, что появление подобного инструктивного письма можно рассматривать лишь как стремление Сталина скрыть свои подлинные планы в борьбе за безраздельное господство в руководстве партией и страной.

Уверен, что настоящее исследование историков и практиков пенитенциарной системы Республики Бурятия вносит крупный вклад в разработку данной проблематики, будет отмечено специалистами, вызовет интерес у многих читателей.

В.Н. КАЗАРИН

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ СИБИРСКОМУ УЧЕНОМУ 20–30-х гг. XX в.*

Современный российский книжный рынок, при всем его обилии, редко дарит читателю издания, посвященные видным деятелям науки, как зарубежной, так и отечественной. Еще реже мы встречаем книги, главными героями которых являлись бы сибирские ученые, известные в профессиональных кругах, чьи труды были бы востребованы и сегодня, выдержав проверку временем. Поэтому отрадным фактом, достойным быть отмеченным в современной историографии интеллектуальной жизни Сибири, является выход в свет выше означенной монографии. Ее автор доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и Отечественной истории Иркутского государственного университета Юрий Анатольевич Зуляр.

* Рец. на: Зуляр Ю.А. Виталий Чеславович Дорогостайский. Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2009. 79 с.